

Первое, что почувствовал Чу Чжаохуай, когда сознание начало медленно возвращаться к нему, — это всепоглощающий, пронизывающий до костей холод.

Казалось, он заперт в ледяном погребе; руки и ноги окончательно утратили чувствительность. Действие дурмана еще не прошло до конца, и Чжаохуай лишь наполовину приоткрыл затуманенные глаза. В ноздри ударил резкий запах сырой земли. Подбитый мехом плащ исчез — юноша лежал на промерзшем полу в одной лишь тонкой одежде.

— Мама... — пролепетал он, подчиняясь инстинкту. — Сяо Шуй холодно...

Разум, все еще затуманенный снадобьем, рождал странные, путаные мысли.

«Если станет еще холоднее, я просто превращусь в ледышку»

От этого образа «Чу-ледышки» плечи юноши внезапно дрогнули, и он, не в силах сдержаться, тихо и как-то отрешенно рассмеялся.

Развлекая самого себя этим мимолетным весельем, он почувствовал, как дурман понемногу отступает. Темнота перед глазами рассеялась, и он смог разглядеть очертания своего заточения — судя по всему, это была старая дровница.

Собрав остатки сил, Чу Чжаохуай попытался сесть. Однако едва он шевельнулся, как раздался резкий лязг. Опустив взгляд, он увидел, что на его тонком запястье красуется тяжелая ледяная цепь, другой конец которой был намертво прикован к столбу.

Те люди, что преследовали его в Цзяннани, всегда били наповал, стремясь лишить его жизни. Теперь, когда он окончательно попал в их руки, надежды на спасение почти не оставалось. Ядовитый порошок и лекарство от сердца, спрятанные в рукавах, тоже исчезли — похитители не оставили ему ни единого шанса на самозащиту.

В этот раз выхода действительно не было. Юноша бессильно откинулся назад, прекратив всякую борьбу. В конце концов, возможно, это и было правильно. Ему давно была предначертана такая участь, и теперь он просто следовал воле небес.

В этот момент за плотно закрытыми дверями дровницы послышались голоса. Чжаохуай мгновенно зажмурился, притворившись, будто всё еще пребывает в глубоком сне.

— Этого снадобья хватит, чтобы взрослый мужчина проспал дня два-три. Сейчас только вечер, чего ты так печешься?

— Гвардейцы из усадьбы Цзин-вана видели, как его похитили, и наверняка уже доложили хозяину. Нам остается только ждать, когда зверь сам придет в западню. Бай Цзи нам больше не нужен, лучше прикончить его сейчас, чтобы не множить проблемы.

— Подождем, пока придет помощь.

— Да что с тобой не так? Почему ты раз за разом мешаешь мне?

— С такой-то внешностью... — второй голос, ленивый и беспутный, отозвался со смешком. — Убивать его прямо сейчас было бы сущим кощунством. К тому же он — Чу-ванфэй. Должно быть, в постели этот малый творит чудеса, раз сумел заманить этого бешеного пса в ловушку.

— Ты... — в тоне собеседника послышалось явное отвращение. — Каким бы красавцем он ни был, он всё же мужчина. Неужто у тебя такие пристрастия?

— А кто не любит прекрасное? Если в постели он горяч, то какая разница? Видишь, даже Бог Несчастий не смог устоять.

Чу Чжаохуай: «...»

«Что ж, возможно, за жизнь всё-таки стоит побороться»

Снаружи первый мужчина еще раз крепко выругал похотливого напарника, после чего голоса стихли. Раздались лишь мерные шаги — судя по звуку, похитители начали патрулировать окрестности.

Повязка-глазница исчезла неизвестно куда. Лицо Чу Чжаохуая было перепачкано грязью, кожа от холода приобрела мертвенно-бледный оттенок. Конечности била неудержимая дрожь, а лоб постепенно охватывал жар — предвестник лихорадки.

Похоже, начался жар. Но сейчас такие мелочи юношу не заботили. Он выдохнул облачко пара и, опустив взгляд, принялся возиться с оковами. Кандалы сидели слишком плотно; если потянуть руку, цепь намертво врезалась в кость большого пальца. Высвободиться было невозможно.

Снаружи завывала метель. Ледяной ветер свистел в щелях дровницы, принося с собой не только холод, но и резкий, удушливый запах масла и пороха.

Дровница. Горючее масло. Эти люди с самого начала не собирались оставлять его в живых.

Губы Чу Чжаохуая побелели, он дрожащими пальцами коснулся своей руки. Уж лучше рискнуть всем ради крохотного шанса на спасение, чем заживо сгореть в этом сарае.

Он глубоко вздохнул. В полумраке раздались два глухих, жутких звука — хруст ломаемых костей. Цепь звякнула и с грохотом упала на пол. Чжаохуай мертвой хваткой вцепился зубами в ворот своей одежды, сдерживая рвущийся наружу крик. По лицу градом катился холодный пот.

Он собственноручно, не проронив ни звука, сломал себе фаланги большого пальца и мизинца.

Пока он освобождался от оков, люди снаружи уже закончили разливать масло. Огни факелов отделились, и лишь в щелях окон пробивались слабые отблески. Юноша, шатаясь, поднялся на ноги. Цепь со второй руки снять не было времени, поэтому он просто обмотал ее вокруг запястья и, преодолевая слабость, подошел к окну.

К его облегчению, створки не были забиты. Похитители всё еще переговаривались, но их голоса доносились с другой стороны дома.

Наконец пламя снаружи вспыхнуло, и здание в мгновение ока занялось огнем. Пользуясь гулом пожара, Чу Чжаохуай рукой, обмотанной цепью, выбил заднее окно. Прежде чем пламя ворвалось внутрь, он из последних сил перемахнул через подоконник и, не оглядываясь, бросился в темноту.

Лихорадка почти лишила его рассудка, помогая на время заглушить нестерпимую боль в сломанных пальцах. Спотыкаясь и блуждая впотьмах, Чжаохуай лишь спустя какое-то время осознал, что находится в горах.

Здесь, среди скал и лесов, местность была запутанной, а тьма — хоть глаз выколи. Вдобавок из-за снега дорога стала скользкой: один неверный шаг — и можно было сорваться в пропасть.

Казалось, близился рассвет. Сознание юноши меркло, он брел вперед, ведомый лишь инстинктом самосохранения. За четверть часа он упал раз пять или шесть, разодрав голень об острый камень до глубокой, уродливой раны.

Очередное падение, видимо, окончательно лишило его сил. Чу Чжаохуай распластался на земле, не в силах подняться.

«Куда мне идти?»

«Домой? Но где его дом? В усадьбе маркиза или в Линьане? Есть ли на этой земле место, где его ждут?»

Ледяной горный ветер почти сковал его тело холодом. Он неподвижно лежал на спине, глядя на бледнеющее небо, и в его затухающем сознании начали рождаться странные видения. Ему внезапно стало жарко. Огонь... Огонь пожирает его.

В поле его зрения медленно поплыли огни факелов, и перед глазами возникло знакомое лицо. Мужчина наклонился над ним, кривя губы в усмешке:

— А лекарь Шэньи, оказывается, весьма суров к самому себе. Такую красоту — и не пожалел сломать.

Это был его убийца.

Зрачки Чжаохуая расширились. Почувствовав смертельную опасность, он рванулся в сторону, из последних сил отталкивая врага. Раненая нога судорожно месила снег. Пальцы левой руки мертвой хваткой вцепились в воротник мужчины, в то время как правая рука, отягощенная цепью, беспомощно погрузилась в сугроб.

Нападавший с интересом наблюдал за его слабыми попытками, словно любовался прекрасной бабочкой, бьющейся в паутине. Он с азартом придвинулся ближе, собираясь что-то сказать, как вдруг раздался резкий лязг металла.

— Гх..!

Откуда только взялись силы? В тот миг, когда зрачки Чу Чжаохуая сузились до предела, он внезапно вскочил и мертвой хваткой захлестнул цепь вокруг шеи мужчины. Словно перестав чувствовать боль, он сжал конец цепи изувеченными пальцами правой руки. Его тело пылало; лихорадка окончательно помутила рассудок, и Чжаохуай, с горящими щеками, вдруг бессвязно и тихо рассмеялся:

— ...Как здесь весело.

Сила человека, стоящего на краю могилы, была невероятной. Мужчина, чье горло сдавило кандалами, не мог даже вздохнуть, на его шее вздулись вены. Будучи воином, он не хотел грубо ломать крылья этой бабочке, но в миг, когда жизнь едва не покинула его, церемониться не стал. Перехватив запястье юноши, он с силой сжал его.

Тело Чжаохуая содрогнулось, рука бессильно упала. Похититель, воспользовавшись моментом, вырвался из петли и, хватая ртом воздух, яростно уставился на пленника. Еще в Цзяннани, когда этот малый без тени сомнения швырнул ему в лицо яд, стоило понять: за этой внешней покорностью скрывается истинное безумие.

Чтобы не множить проблемы, нужно кончать с этим прямо сейчас. Мужчина выхватил из-за пояса кинжал. Похоть отступила, уступив место холодной, безжалостной ярости.

Взгляд Чу Чжаохуая остекленел, он безучастно смотрел в пустоту. Даже увидев блеск лезвия, он не нашел в себе сил сопротивляться. Кровь из раны на голени медленно капала на снег, расцветая на нем яркими весенними цветами.

Уснуть вот так и больше никогда не просыпаться — возможно, это и было величайшим благом.

Внезапно.

Свист!

Стрела, рассекая воздух, с безупречной точностью вонзилась в шею мужчины. Кровь брызнула фонтаном, заливая лицо Чу Чжаохуая.

Рассветные лучи хлынули из-за горизонта. Юноша растерянно поднял голову и сквозь пелену в глазах увидел, как неподалеку всадник спрыгивает с коня. Человек шел прямо к нему, его силуэт тонул в ослепительном свете солнца.

Едва разглядев лицо приближающегося, Чу Чжаохуай почувствовал, как последняя капля его самообладания находит тихую гавань. Он больше не мог бороться. Позволив себе окончательно погрузиться во тьму, он уснул.

***

Ледяной ветер завывал в кронах деревьев, небо застилало снежное марево. Инь Чжуншань подлетел на коне и торопливо доложил:

— Лес Нанься зачищен, горные разбойники полностью подавлены. Столичная гвардия уже у подножия.

Убежище бандитов выгорело наполовину. Цзи Сюнь, опираясь на свой золотой посох, небрежно откинул тигриную шкуру с кресла главаря — под ней обнаружилась целая кладка золотых слитков. Цзин-ван без тени интереса скользнул по ним взглядом:

— Кто ведет солдат?

— Командующий императорской гвардией по фамилии Линь.

Цзи Сюнь на миг задумался:

— Тот самый старый хрен, которому за пятьдесят и которого я когда-то честил на чем свет стоит?

— То был прежний командующий, — пояснил Инь Чжуншань. — После ваших слов он отправился напрямик к праотцам. Теперь там новый человек.

— Понятно, — сухо бросил Цзи Сюнь. — Задержите их у подножия.

— Слушаюсь.

Едва Инь Чжуншань скрылся, к князю подбежал другой охранник.

— Ванъе! Ванфэй... боюсь, его состояние критическое.

Брови Цзи Сюня едва заметно дрогнули. Он направился к соседнему покою.

Жаровни в комнате пылали вовсю. Цзи Сюнь, войдя внутрь, поморщился от духоты, но подошел к кровати и откинул полог.

Чу Чжаохуай провёл на холоде полночи. Еще недавно, на грани смерти, он изнывал от жара, а теперь, оказавшись в тепле, почувствовал, как внутренний холод берет свое. Его колотило так, что кровать ходила ходуном.

Один из гвардейцев, смыслящий в медицине, стоял на коленях у ложа:

— Ванфэй и так слаб здоровьем, а после всех потрясений и ледяного ветра пульс его едва прощупывается. Если мы не сумеем согреть его тело, он не доживет до утра.

Цзи Сюнь распорядился немедленно:

— Срочно в столицу за имперскими лекарями.

Охранник поспешил возразить:

— ...Ванфэй сейчас не выдержит долгой дороги.

По лбу Цзи Сюня от жары уже катился пот. Он хмуро смотрел на сжавшуюся в комок, дрожащую фигуру на подушках. Спустя долгую паузу он холодно произнес:

— Тогда лечите здесь. А если не выйдет...

Гвардеец вздрогнул и низко склонил голову.

— ...значит, такова его судьба, — закончил Цзи Сюнь.

Охранник с облегчением выдохнул. Князь уже собирался уходить, как вдруг чья-то рука вцепилась в его рукав. Хватка была совсем слабой — стоило лишь слегка пошевелиться, и она бы соскользнула.

Цзи Сюнь опустил взгляд. Мальчишка, ставший жертвой чужих интриг, свернулся калачиком. Ни жар углей, ни гора тяжелых одеял не могли изгнать холод из его тела. Бледные губы мелко дрожали.

Он снова звал мать. Цзи Сюню это показалось глупым и бессмысленным.

— Ванъе... — прошептал Чу Чжаохуай.

Цзи Сюнь замер. Гвардеец с изумлением увидел, что господин не только остался сидеть, но и коснулся лба юноши, словно проверяя жар.

Князь коснулся ладони Чжаохуая — ледяная. И два пальца, судя по всему, были сломаны. Взгляд Цзи Сюня оставался бесстрастным:

— Как изгнать из него холод?

У гвардейца перехватило дыхание. Подавив охватившее его смятение, он осторожно предложил:

— Больше жаровен, положить их ближе к кровати... возможно, тогда...

— Хм, — отозвался Цзи Сюнь в своей манере. — Не проще ли будет сразу поджарить его над огнем?

Охранник в ужасе снова отвесил поклон до земли. Цзин-ван не стал больше мучить этого горе-лекаря и сухо приказал:

— Ступай. Жди снаружи.

Гвардеец поспешно откланялся. Перед тем как закрыть дверь, он не удержался и бросил взгляд назад.

Цзин-ван сидел на краю постели, лицо его было холодным, но движения — на удивление бережными. Он осторожно прижал к себе дрожащего юношу.

Объятия мужчины не были похожи на удушающий жар углей; скорее, они напоминали теплый весенний ветер, чье прикосновение медленно проникало в самую глубину замерзшего тела.

Измученный Чу Чжаохуай наконец перестал метаться. Он затих в руках Цзи Сюня, обвив его за талию и доверчиво прижавшись к его груди.

Охранник вздрогнул и, не смея больше подглядывать, торопливо вышел прочь.

Цзи Сюнь ненавидел жару. Но этот юноша был так тонок и хрупок, что даже когда холод начал отступать, он продолжал инстинктивно лнуть к теплу своего защитника. Одежда на князе была легкой, и он отчетливо ощущал каждое движение Чжаохуая. То, как кожа становилась теплой, как юноша в забытьи потерся лицом о его шею...

Капля пота скатилась по лбу Цзи Сюня. Убедившись, что дыхание мальчишки стало ровным, он взял его за подбородок и принялся внимательно рассматривать его лицо. Лицо Чу Чжаохуая всё еще было в пятнах грязи и крови, но черты его уже отчетливо проступили.

Для Цзи Сюня не было разницы между прекрасным и уродливым. Чжаохуай без повязки на глазах значил для него не больше, чем в ней.

— Достаточно прижиматься? — негромко спросил Цзи Сюнь.

Поскольку юноша всё еще был в беспомощности, он не ответил, а лишь еще теснее прижался к груди князя.

Цзи Сюнь: «...»

«Может, всё-таки убить его?»

Глупый, изнеженный, жадный до денег и совершенно бесполезный в большой игре. Таких он перебил немало, одним больше, одним меньше...

Чу Чжаохуай снова пошевелился в его объятиях. Взгляд Цзи Сюня стал еще ледянее. В этот момент снаружи послышался голос стражника:

— Ванье, как поступить с золотыми слитками? Оставить их гвардейцам?

Цзи Сюнь долго молчал. Наконец он тихо выдохнул, поправил одеяло на Чу Чжаохуае и бросил через дверь:

— Сложить в сундуки и перевезти в усадьбу.

— Слушаюсь.

***

Чу Чжаохуаю снился кошмар. Далекое детство: маркиз с семьей сопровождает императорский кортеж на охоту. В лютый мороз Чу Чжаоцзян хитростью выманил его из лагеря. Маленький Чжаохуай забрел в глубь леса, где на него напал снежный волк.

Зверь был огромен, его глаза горели яростью. В голове Чжаохуая было пусто от ужаса, он не мог издать ни звука. А Чу Чжаоцзян стоял неподалеку и со злорадной улыбкой наблюдал за этой сценой.

Тогда Чжаохуаю было всего семь лет. Он беззвучно плакал, захлебываясь слезами, и от нестерпимой боли верил, что это его конец. Но вдруг стрела, пробив снежную завесу, насквозь прошила голову волка и намертво вошла в землю. Снег окрасился алым.

Сквозь пелену он видел лишь силуэт юноши с высоким хвостом. Тот что-то сказал, но слов было не разобрать. Во сне Чжаохуай отчаянно пытался разглядеть лицо своего спасителя, но тьма становилась всё гуще.

Когда свет снова вернулся, перед ним возникло лицо его отца. Чу Цзин смотрел на него с отвращением:

— Ты убежал играть в лес, попался волку, а теперь еще и смеешь винить брата?! Как у меня мог родиться такой лживый сын?

Чжаохуай растерянно качал головой:

— Я... я не играл.

— Еще и перечишь?! — рявкнул Чу Цзин. — Твой брат в свои юные годы сумел добыть снежного волка и заслужил похвалу генерала Вэя. А ты? Сын благородного дома, едва не сожраный зверем... Ты опозорил всё наше имя!

Чжаохуай чувствовал себя окончательно раздавленным. Тьма вокруг него начала смыкаться.

«Это неправда... Это Чжаоцзян сказал, что папа меня ждет...»

Даже во сне чувство несправедливости не покидало его. В бреду он внезапно вскинул левую руку, пытаясь ухватиться хоть за что-то. Чья-то холодная рука перехватила его, и знакомый голос раздался над самым ухом:

— Проснулся?

Чу Чжаохуай медленно открыл глаза. Но взгляд его был пустым. Цзи Сюнь, решив, что кризис миновал, сухо произнес:

— Рассвело. Если можешь двигаться, возвращаемся в город...

Он не успел договорить — левая рука Чжаохуая внезапно забилась в сильной дрожи. Князь замер. Дыхание юноши вдруг участилось, и уже через несколько секунд он начал задыхаться.

Заподозрив неладное, Цзи Сюнь нахмурился:

— Чу Чжаохуай?

Юноша сделал несколько судорожных вдохов и внезапно выплюнул кровь. Он увядал прямо на глазах, словно сорванный цветок. Цзи Сюнь в мгновение ока подхватил его.

— Людей сюда!

Вбежавший охранник, увидев кровь на рукаве князя, оторопел. Лицо Цзи Сюня потемнело:

— Смотри, что с ним!

Гвардеец бросился к постели, прижал пальцы к запястью, но долго не мог вымолвить ни слова. Наконец он пал ниц:

— Ванъе, пощадите! Мои знания слишком скудны...

Цзи Сюнь яростно свел брови.

— Гх... — Чу Чжаохуай задыхался всё сильнее. Он запрокинул голову, ловя бледными губами воздух. Тонкая шея напряглась, голова бессильно откинулась на сгиб руки Цзи Сюня, а длинные волосы рассыпались по кровати черным шелком.

Жизнь медленно покидала его. Остекленевшие глаза наполнились слезами. Цзи Сюнь видел много смертей, но эта сцена была почти невыносимой. Он поддержал затылок Чжаохуая, прижимая его к себе:

— Чу Чжаохуай, дыши!

Услышав свое имя, юноша на миг пришел в себя. Он издал жалобный стон и уставился на князя невидящими глазами:

— Ван... Ванье?

— Я здесь, — отозвался Цзи Сюнь.

Боль в сердце была такой нестерпимой, что в ушах Чжаохуая стоял звон.

— Ванье... я умираю? — прошептал он.

Но Цзи Сюнь услышал. Все эти дни он притворялся перед юношей учтивым господином, и теперь ему было не трудно сохранить эту маску еще на мгновение. Он мягко произнес:

— Нет. Всё будет хорошо.

Чу Чжаохуай, казалось, слабо улыбнулся. Раньше он переносил это в одиночестве. Впервые за все годы кто-то держал его на руках, пытаясь утешить.

Сознание его прояснилось лишь на миг. Рука в рукаве инстинктивно дернулась, и он одними губами выдохнул одно-единственное слово:

— Лекарство...

Взгляд Цзи Сюня мгновенно изменился. Видя, как Чжаохуай бьется в агонии, князь решительно отстранился и быстрыми шагами вышел из покоев.

— Где те наемники, которых мы взяли?

— В соседнем помещении, под замком.

— Понятно, — бросил Цзи Сюнь и, сжимая в руке золотой посох, направился к пленным.

Несколько человек со связанными руками стояли на коленях. Увидев входящего Цзи Сюня, они лишь одарили его презрительной ухмылкой.

Князь сел на стул и, лениво поглаживая посох, буднично спросил:

— Где лекарства Ванфэй?

Мужчины переглянулись. Тот, что сидел ближе всех, холодно процедил:

— Я...

Цзи Сюнь едва заметно поднял взгляд. Гвардеец молниеносно выхватил клинок и одним ударом снес наглицу голову. Кровь брызнула фонтаном. Цзи Сюнь, на чей подол тоже попали алые капли, подпер голову рукой:

— Слишком шумно. Раз не хотите говорить, я сам вырву ответ.

Пленные содрогнулись, но продолжали упорно молчать. Обученные наемники не страшились боли.

Гвардейцы Цзин-вана стояли у дверей, слушая, как изнутри доносятся душераздирающие крики. Не прошло и четверти часа, как Цзи Сюнь, весь в крови, небрежной походкой вышел наружу. Он взял предложенный платок и не спеша вытер пальцы:

— У подножия горы лежит огромный валун. Там брошены лекарства. Принесите их.

— Слушаюсь!

Стража обернулась быстро — лекарства нашлись почти сразу. Чу Чжаохуай был уже на грани. Среди вещей, брошенных наемниками, было три свертка. Порошок для зверей и яд были в мешочках, а в маленьком фарфоровом флаконе нашлись пилюли с тонким, сладковатым ароматом.

Гвардеец растворил две таблетки в воде и начал вливать жидкость юноше в рот. Чжаохуай поперхнулся, горло его судорожно сократилось.

Должно быть, снадобье было приготовлено по особому рецепту: не прошло и нескольких минут, как дыхание юноши стало глубже и ровнее. Охранник коснулся запястья — бешеный ритм сердца начал постепенно стихать.

Цзи Сюнь, закончив допрос, переоделся и принял ванну. Теперь он медленно пил чай в приемной. Гвардеец доложил:

— Ванъе, Ванфэй принял лекарство. Его жизнь вне опасности.

— Хм, — Цзи Сюнь отхлебнул чаю, словно ему было всё равно. — Живучий оказался.

Инь Чжуншань вернулся с докладом:

— Ванъе, командующий Линь во что бы то ни стало хочет допросить разбойников.

Цзи Сюнь предвидел это.

— Отдайте тела господину Линю, — бросил он.

Инь Чжуншань кивнул. Он уже собирался уходить, когда Цзи Сюнь внезапно спросил:

— Кстати, как там наш Чу Чжаоцзян?

— Всё так же заперт в загородной усадьбе. Целыми днями бесится и требует, чтобы его выпустили.

— Вот как? — Цзин-ван усмехнулся. — Пойди и отруби ему два пальца. Положи их в шкатулку из красного сандала и отошли в усадьбу маркиза.

Инь Чжуншань опешил:

— Какие именно?

— На правой руке. Указательный и средний.

Военачальник в замешательстве замер. Поговаривали, что Чу Чжаоцзян в детстве был любимым учеником старого генерала Вэя. Указательный и средний пальцы правой руки — те самые, что натягивают тетиву. Если их не станет, вражда с домом маркиза станет смертельной.

Заметив, что Инь Чжуншань медлит, Цзи Сюнь опасно прищурился.

— Слушаюсь! — Чжуншань пулей вылетел из комнаты.

Командующий Линь провел формальный допрос обезглавленных тел и принялся инспектировать списки жителей леса Нанься.

Экипаж Цзин-вана уже покидал лес Нанься, когда им навстречу вылетел всадник в мундире императорской гвардии. Инь Чжуншань преградил ему путь:

— Линь-тунлин, придержите коней.

Командующий Линь придержал поводья и крикнул:

— Цзин-ван! Могу я перекинуться с вами парой слов?

Инь Чжуншань оглянулся на карету. Изнутри донеслось сухое:

— Говори.

Только тогда военачальник откинул полог. Командующий Линь спрыгнул с коня и поднял голову:

— Разгром бандитов — заслуга вашей решительности... э-э...

Слова застряли у него в горле. В роскошной карете пылали жаровни. Цзи Сюнь сидел в одном легком халате и лениво просматривал письма. А юноша, укутанный в тяжелый черный плащ, свернулся клубком у его ног. Два пальца на его правой руке были забинтованы, но он всё равно цепко держался здоровыми пальцами за рукав князя.

Лицо командующего Линя исказилось в немой гримасе:

— Ванье, это...

— Ванфэю нездоровится, нужно как можно скорее доставить его домой к лекарям, — Цзи Сюнь погладил Чжаохуая по волосам. — У вас есть что-то срочное, господин Линь?

Все заготовленные речи вылетели у командующего из головы.

— Ваш подвиг наверняка обрадует Его Величество.

Цзи Сюнь усмехнулся:

— Пустяки, служба. Если брат так обрадуется, пусть подарит мне еще семь-восемь таких жен. Будем жить в мире и согласии, множить род на радость предкам.

Линь-тунлин: «...»

Получив такой отпор, командующий не рискнул продолжать и лишь покорно отступил. Едва карета скрылась из виду, к нему подскакал гвардеец.

— Выступаем, — Линь вскочил в седло. — Обыскать всё в радиусе ста миль. Найти людей Учанвана и вырезать всех до единого.

— Слушаюсь!

***

В этом году праздники наступили необычайно рано. Лян Фан пропил курс лекарств, и его вечная сонливость начала понемногу отступать.

Цзи И сиял от счастья. Раздобыв где-то корзину мушмулы, он примчался к Чу Чжаохуаю. Юный наследник помялся у дверей, а затем ворвался внутрь:

— Эй, я пришел!

Чжао Бо преградил ему путь:

— Шицзы, шицзы, постойте!

Но Цзи И было не остановить. Влетев в комнату, он тут же рухнул на колени:

— Папа!

Цзи Сюнь сидел во главе стола. Рядом стоял имперский лекарь:

— ...Должно быть, недуг Ванфэя — врожденный. Сердце слабое, а тут еще испуг и холод... Нам удалось стабилизировать состояние, но при должном уходе он протянет лишь несколько месяцев.

Цзи Сюнь при этих словах поднял взгляд:

— Всего несколько месяцев?

Лекарь покрылся холодным потом:

— Судя по пульсу... Ванфэй за последнее время перенес слишком много потрясений. Если он будет в полном покое, то несомненно...

Рука князя замерла. Слишком много потрясений? Стоило ему лишь немного подразнить Чжаохуая, как тот начинал мелко дрожать. У него действительно больное сердце?

Дрожащий Цзи И тоже замер. Больное сердце? Шарлатан.

Цзин-ван отхлебнул чая:

— Благодарю за службу. Ты много лет прослужил в Академии, и сам знаешь, о чем можно говорить, а о чем — нет.

— Разумеется, разумеется! — закивал тот.

Когда лекарь ушел, Цзи Сюнь ледяным взглядом смерил стоящего на коленях сына:

— Уроки сделал?

— Сделал.

— А тренировки?

— Отец, я не смог найти Инь-тунлина, поэтому...

— Вот как? — протянул Цзи Сюнь. — В следующий раз, когда полезешь в драку, так и скажи: «Погоди, наставника нет, я не знаю, как тебя бить. Пощади мою собачью жизнь».

Цзи И едва не разрыдался:

— Папа, я виноват, я... вы только...

«Только не открывайте свой рот»

— Лян Фан гостит у нас уже несколько дней, почему он до сих пор здесь? — Цзи Сюнь снова одарил сына улыбкой. — Что ты там за варево ему даешь? Если он отравится, я отправлю тебя в Юаньчуань, станешь сыном Учан-вана. В тот же день и помрешь.

Цзи И шмыгнул носом:

— Это лекарство по рецепту, Лян Фану оно помогает!

— Какой еще рецепт? — перебил отец. — Давай сюда.

Цзи И тут же прикусил язык.

— Нет... нет никакого рецепта. Я выдумал.

Цзи Сюнь опасно прищурился. Когда наследник уже приготовился к самому худшему, отец

сухо бросил:

— Ступай. Иди играй.

Цзи И опешил. Наконец он решился и прошептал:

— Ванфэй болен... можно мне навестить его?

Цзи Сюнь жестом подозвал Инь Чжуншаня:

— Иди. Только не напугай его.

Цзи И пулей вылетел из комнаты. Инь Чжуншань со странным выражением посмотрел на господина.

Цзи Сюнь не заметил взгляда военачальника:

— Раздобудь рецепт, который прячет Цзи И. И еще... Гуанлусы прислали оленя?

— Еще нет. Я сейчас же пойду и потороплю их.

— Иди.

Уже когда военачальник был в дверях, до него долетел ленивый голос князя:

— Ты смеялся дважды. Лишаешься жалованья на два года.

Инь Чжуншань споткнулся и с потухшим взглядом убежал.

***

Внутри огромной кровати-алькова стояло несколько жаровен. Слуга из усадьбы осторожно отирал лицо Ванфэя. Увидев входящего наследника, он поклонился и вышел.

Цзи И сам затащил корзину с мушмулой в постель. Сквозь полог было видно лежащего человека. Юноша был без своей повязки.

«Кхм»

Наследник убеждал себя, что пришел из сочувствия. Он на цыпочках подошел к кровати, снедаемый любопытством: неужто и впрямь на лице сыпь или рубцы?

В нос ударил резкий запах лекарств. Рука Чжаохуая покоилась на краю постели, обмотанная бинтами. Цзи И нахмурился. Как его угораздило так пораниться?

Он уже потянулся к пологу, но вдруг замер. Ему стало стыдно. Чжаохуай скрывал лицо не просто так. Цзи И глубоко вздохнул и уже собрался уходить, презирая самого себя.

Но не успел он сделать и шага, как раненая рука Чжаохуая внезапно схватила его за край одежды.

— М-м... Ванье?

От движения Цзи И рука юноши дернулась, и он тут же болезненно охнул. Наследник перепугался:

— Ты в порядке?!

Полог откинулся. Чу Чжаохуай выглядел так, словно одной ногой уже стоял в могиле. Он долго вглядываясь в лицо гостя:

— А, это Шицзы... Можешь принести мне воды?

Цзи И застыл как вкопанный. Юноша терпеливо подождал, но Шицзы не двигался. Наконец Чжаохуай бессильно откинулся на подушки.

«У хорошего бамбука выросли плохие побеги»

Пока он лежал, Шицзы всё же принес воды:

— Вот... вода.

С трудом приподнявшись, Чжаохуай выпил половину. Цзи И стоял рядом, не сводя глаз с его лица.

Чжаохуай растерялся. Он потянулся к лицу. Пусто. Где повязка?!

Сердце кольнуло острой болью. Всё пропало. Цзи Сюнь наверняка видел его лицо. Теперь тайну не скрыть.

— Где Ванъе? — упавшим голосом спросил Чу Чжаохуай.

— Снаружи. Ну... ты это... нормально выглядишь. Совсем не урод. Кхм... вполне сойдет.

Раз уж лицо открыто, Чжаохуай безжизненно отозвался:

— Благодарю Шицзы за похвалу.

Цзи И всё еще боялся поднять на него взгляд. В столице хватало красавцев, но Чу Чжаохуай лежал перед ним в простой одежде, с распущенными волосами. Болезненная бледность лишь добавляла ему изящества.

Цзи И внезапно понял, почему его отец ведет себя столь необычно. Впрочем, зная память отца на лица, он наверняка скоро забудет, как выглядит этот лекарь.

Инь Чжуншань тем временем уже раздобыл спрятанный рецепт и поднес его князю. Цзи Сюнь развернул листок. Он мало что смыслил в снадобьях. Но подпись внизу...

— Кто писал это?

— Чжао Бо сказал, что рецепт составил Ванфэй.

Цзи Сюнь коснулся пальцами зачеркнутого имени «Бай Цзи» в подписи.

— Чжоу Хуань уже в городе?

— Должны прибыть сегодня.

Цзи Сюнь задумчиво усмехнулся.

«Два Бай Цзи?»

<http://bllate.org/book/15341/1372785>